

Содержание

Предисловие Саймона Кэллоу.....	5
Введение.....	9
Оскар Уайльд (1854–1900): Краткий очерк жизни.....	13
А теперь поговорим.....	25
Знакомьтесь – мистер Уайльд.....	26
Знарок греческого.....	31
Преподаватель эстетики.....	36
Открытие Америки.....	41
Почти респектабельный.....	46
Шокируя средний класс.....	51
Пир с пантерами.....	56
Роковая дружба.....	61
Обвинение в клевете и суд.....	67
Осуждение декаданса.....	76
Художник в тюрьме.....	82
Что-то вроде свободы.....	88
Последний акт.....	94
Послесловие.....	101
 Дополнительные материалы.....	 109

Предисловие Саймона Кэллоу

Слава Оскара Уайльда никогда еще не была так велика, как сейчас. Его знают как талантливого драматурга, романиста, эссеиста и поэта, пострадавшего по обвинению в гомосексуализме. История его преследования английским правосудием того времени стала для последующих поколений впечатляющим примером абсурдности подобных разбирательств, а изменение законодательства теперь воспринимается как посмертное искупление этой вины.

И все-таки восхищения литературными достижениями и сожаления о печальной судьбе Оскара Уайльда не так сильны, как чувства, которые вызывает в нас его талант общения. Память о его обаянии блестящего светского собеседника сохраняется до сих пор, что можно сказать лишь об очень немногих знаменитых людях прошлого. В составляемых время от времени списках идеальных гостей и застольных собеседников его имя неизменно остается на первом месте. Есть ли в английской литературе более упоительное чтение, чем томик полного собрания его писем (несмотря на присутствие в нем мрачного письма-исповеди *De Profundis*, которое он написал в тюрьме)? Увы, у нас нет аудиозаписи его знаменитого голоса, отли-

чавшегося пленительной красотой, но есть достаточно много фрагментарных цитат из бесед с ним, сделанных его современниками, — цитат, которые заставляют нас широко улыбаться от удовольствия, а то и хохотать во весь голос.

Уайльд не был эгоистичным собеседником. Он умел и говорить, и слушать, любил смеяться сам и веселить других (хотя не мог удержаться от смеха, когда шутил, что ему охотно прощали). Его любимыми средствами создания комического эффекта были инверсии, парадоксы, абсурдистские фантазии, которые часто заставляли его слушателей хохотать до изнеможения. Его шутки были живительными, и можно поверить рассказу его первого биографа и друга Роберта Шерарда о том, как Уайльд однажды приехал к Шерарду, где на пороге дома его встретила бледная горничная, которой было строго-настроено приказано не пускать никаких визитеров, потому что у хозяина страшно разболелся зуб. Уайльд тем не менее настоял на том, чтобы войти, и, найдя Шерарда на диване в затемненной комнате стонущим от боли, принялся рассказывать тому, как провел день, причем с такими забавными подробностями, что постепенно зубная боль у того утихла и больше не возвращалась.

Уайльд, несомненно, не мог существовать без игры, но эти представления были бескорыстными, а иногда немало стоили ему. Рассказывают, что однажды вечером он вернулся за забытой шляпой к компании, которую только что приводил в восторг блестящим остроумием и доброжелательными шутками, и хозяин поразился тому, насколько он был вымотан —

почти опустошенный и не способный связать двух слов. Тюрьма постепенно притушила его остроловие, но, несмотря на физические страдания и финансовое неблагополучие, после освобождения его юмор стал еще более фантастическим и щедрым. Невероятное замечание Уайльда на смертном одре по поводу безобразных обоев в комнате («Одному из нас придется отсюда уйти») стало почти поговоркой; но вершиной веселого озорства стало другое высказывание, которое он произнес в последние дни жизни, почти последние его слова, адресованные самому верному из его друзей, Роберту Россу: «Дорогой Робби, когда вострубит последняя труба, а мы будем лежать в наших порфиновых гробах, я повернусь к тебе и прошепчу: “Робби, дорогой мой Робби, давай сделаем вид, что мы ее не слышим”».

Simon Callow

Введение

Каким удовольствием было бы встретиться с Оскаром Уайльдом за чашкой кофе дождливым днем в Париже! Но воскресить такую встречу стоило бы большого труда, поскольку попытка воссоздать его разговорный стиль в этой книге потребовала бы почти такой же самонадеянности, какую выказал сам Уайльд, обвинив маркиза Куинсберри в клевете в 1895 году и понадеявшись на успех своего иска просто потому, что его имя говорило само за себя. Как можно позволить себе вложить какие-либо слова в уста одного из величайших собеседников всех времен, не рискуя при этом обрушить на себя гнев богини Немезиды? Самым трусливым решением было бы вырезать ножницами лучшие цитаты из произведений и писем Уайльда и склеить их вместе, придав им некое подобие связного текста, чтобы никто не смог обвинить меня в попытке «переоскарить» Оскара. Но, боюсь, в результате получилась бы одна из тех неудобоваримых книжиц, где вырванные из контекста строчки наскоро сшиты торчащими отовсюду белыми нитками. Это вызвало бы раздражение читателей, знакомых с творчеством Уайльда, которые пытались бы припомнить, откуда взяты эти цитаты, и удивлялись бы, кому и зачем все это надо.

В качестве компромисса я решил действовать иначе, а именно — смешать все ингредиенты, чтобы они имели вкус и запах творчества Оскара Уайльда, но не были бы мгновенно узнаваемы. В некоторых случаях это означало взять цитату, но поменять персонаж, или драматизм сцены, или настроение момента, чтобы максимально приблизить написанные им строки к разговорной речи, сохраняя его стиль. В некоторых случаях я соединял или, наоборот, сокращал цитаты, преобразовывал их или использовал в контексте, к которому они первоначально не имели отношения. Хотя это небольшое оправдание, мы по крайней мере имеем прецедент такой обработки, предпринятой самим Уайльдом. Вскоре после окончания романа «Портрет Дориана Грея» Уайльд начал работать над пьесой «Веер леди Уиндермир» и — не пропадать же добру зря — дал новую жизнь многим эпиграммам, уже использованным в романе, влетая их в ткань пьесы. Чтобы по возможности избежать неологизмов, не нарушая при этом течения диалога, я проверил лексикон Уайльда, проведя исследование оцифрованных текстов. И обнаружил при этом, не совсем неожиданно, насколько современным был его язык для 1890-х годов.

Я довольно долго колебался, какой принцип выбрать, тематический или биографический, и пришел к выводу, что, раз уж его жизнь и творчество были так неразрывно связаны, будет лучше, если Уайльд поведает нам и о том, и о другом в обычной беседе. Когда он рассказывает о первой половине своей жизни, в которой носил множество масок, мы никогда не можем быть вполне уверены, стоит ли принимать его выска-

звания за чистую монету, а когда рассуждает о второй ее половине, в которой был лишен всего, даже достоинства, юмор остается его единственной защитой, и мы можем оценить его величайший дар — способность шутить над собственными несчастьями. Как он сам говорил, «боль, в отличие от удовольствия, маску не носит». Помню одну историю, рассказанную мне покойным Шериданом Морли, театральным критиком. Однажды он получил письмо от издателя Джорджа Вайденфельда с просьбой написать биографию Уайльда. Шеридан позвонил ему и спросил, зачем ему это, ведь десять лет назад уже вышла такая книга. «Да, — ответил Вайденфельд, — но это настолько увлекательное чтение, что публике нужно пересказывать ее каждые десять лет». Мне кажется, Оскар Уайльд согласился бы с ним.

Оскар Уайльд (1854–1900)

Краткий очерк жизни

Жизнь Оскара Уайльда имеет все признаки фейерверка: сначала возбужденное ожидание, затем эффектное шоу, потом оглушительный взрыв, падение – и тишина. Каким-то необъяснимым образом он предвидел это в своей сказке о замечательной ракете, которая поднялась как бы ниоткуда в снопе искр, взорвалась, упала на землю и потухла, воскликнув: «Я знала, что произведу сенсацию»¹.

Он родился в Дублине, в доме № 21 по улице Уэстленд-роу, 16 октября 1854 года и был крещен под именем Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд. В школьные годы его раздражала эта куча имен, в университете он ею гордился, а впоследствии отказался от них, сказав: «Когда становишься знаменитым, сбрасываешь кое-что лишнее, как воздухоплаватель, поднимаясь вверх, сбрасывает ненужный балласт. За исключением двух, я все остальные отправил за борт.

¹ Перевод Т. Озерской, 1960 г.

А скоро сброшу еще одно, и меня будут знать просто как Уайльда или Оскара». Столетие спустя это явно неправдоподобное утверждение оказалось верным — что в общем-то произошло с большинством его высказываний.

Младший сын Уильяма и Джейн Франчески (или Сперанцы, как она сама любила романтически называть себя¹) рос в обстановке, которую мы сейчас назвали бы комфортной и приятной жизнью верхнего слоя среднего класса. Вскоре после рождения Оскара семья переехала на Меррион-сквер в большой дом георгианского стиля, в котором Уильям Уайльд принимал пациентов как один из самых известных хирургов-офтальмологов. Кроме того, он был также признанным авторитетом в области фольклора, естественной истории, этнологии и топографии Ирландии, писал о творчестве Джонатана Свифта и был посвящен в рыцари в 1864 году за деятельное участие в переписях населения Ирландии с 1841 года. Можно сказать, что он был настоящим энциклопедистом Викторианской эпохи. Мать Оскара была активной ирландской националисткой, писала пламенные стихи в газету «Нейшн» (Nation) во время голода в Ирландии и едва избежала тюремного заключения. Она была одаренным лингвистом (переводила с французского и немецкого), разделяла любовь своего мужа ко всему ирландскому и была хозяйкой одного из самых интересных литературных

¹ *Итл.* speranza — «надежда».

салонов в Дублине. Таким было окружение Оскара Уайльда. Ребенок был буквально вскормлен литературой.

Его ранние годы в Ирландии были отмечены двумя событиями — скандалом и трагедией. В 1864 году его родители оказались замешаны в публичном деле о клевете по поводу противоправного сексуального поведения, возбужденном одной из бывших пациенток сэра Уильяма. А в 1867 году умерла от менингита Изола, младшая сестра Оскара, к которой он был глубоко привязан. Если же говорить о радостных моментах, то он получал большинство наград как в школе, так и в университете за познания в области древних языков и классической литературы. Учась сначала в Тринити-колледже в Дублине, а затем в оксфордском колледже Магдалины, он проводил время как любой современный студент. В Оксфорде Оскар получил награду за лучшую работу года, после чего уехал в Лондон, готовый, как он говорил, поджечь весь мир. Еще в Оксфорде он подружился с Джоном Рёскиным и Уолтером Пейтером и открыто присоединился к новому эпатажному «Эстетическому движению в искусстве и поэзии». Это было скорее позой, призванной привлечь к себе внимание, поскольку к тому времени он напечатал всего несколько стихотворений и обзорное новое галереи Гросвенор, но эта поза помогала ему продолжать свою кампанию саморекламы. В Лондоне он сразу написал свою первую пьесу «Вера», мелодраму о русских анархистах (1880), но ее не удалось

поставить, отчасти по политическим причинам. На следующий год он выпустил том стихотворений скромным тиражом в 750 экземпляров, искусственно разделив его на первое, второе и третье издания, чтобы создать видимость большого успеха. Том был раскуплен, но вызвал неоднозначную реакцию у критиков, и, кроме того, самолюбие Уайльда было уязвлено тем, что Оксфордская библиотека сначала запросила экземпляр, а затем вернула его как ненужный.

В конце 1881 года Оскар Уайльд был приглашен читать лекции в Соединенных Штатах в качестве образцово-показательного «эстета», чтобы американская публика лучше поняла сатирический посыл комической оперы Гилберта и Салливана «Пейшенс». Однако Уайльд оказался не таким уж пижонистым денди, какими обычно изображали молодых эстетов. Никакой щеголь не смог бы прочесть 140 лекций за 260 дней, перепить и свалить под стол членов Богемского клуба в Сан-Франциско и хлестать виски наравне с шахтерами Лидвилла в штате Колорадо. Он провел в США целый год, достиг там чего-то среднего между славой и скандальной известностью и вернулся из Америки с суммой, которая на сегодняшний день составила бы 100 000 фунтов (190 000 долларов).

Тем не менее литературные лавры все еще не давались ему. В течение четырех лет после возвращения из Америки Уайльду приходилось зарабатывать на жизнь в качестве литературного обозревате-

ля или театрального критика, а иногда лектора по самым разным вопросам, включая одежду и убранство интерьеров. В 1884 году он женился на Констанс Ллойд, которая родила ему одного за другим двух сыновей – Сирила в 1885 году и Вивиана в 1886 году.

Весной 1887 года издательство «Кассел и компания» предложило Уайльду помочь им реанимировать захиревший журнал «Мир леди» (*The Lady's World*). Он согласился, но настоял на том, чтобы переименовать его в «Женский мир» (*Woman's World*), сказав: «Сейчас он слишком женственный, но недостаточно женский... Мы должны заниматься не только тем, что женщины носят, но и тем, что они думают и чувствуют». Он изменил название журнала, чтобы поддержать зарождающееся феминистское движение, которое привлекало к себе все больше внимания, отнюдь не всегда благожелательного. Работа на посту редактора журнала «Женский мир» иногда рассматривается биографами как интересный, но незначительный эпизод его писательской биографии. Но дело обстояло иначе: это создало Уайльду репутацию передового писателя, избавило его семью от финансовых проблем и, что важнее всего, дало ему время для чисто литературного творчества. Таким образом, работа в журнале «Женский мир» положила начало самому плодотворному периоду его творческой жизни, а также дала нам редкую возможность увидеть Оскара Уайльда, занятого социальными проблемами.